

УДК 141.333:572

ТЕМА ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ (ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА)*

Горбачев Владимир Григорьевич

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии

Брянский государственный университета им. акад. И.Г. Петровского

241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14

e-mail: vladi.gor@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы познания человека в советской философии, особенности исследовательского подхода. Автор выдвигает тезис о том, что в советской философии имел место социоцентризм, понимание человека как существа, природа которого по преимуществу обусловлена влиянием социальной среды. По мнению автора, этот подход был связан с ограничением дискуссий в философии и трудностями появления новых познавательных парадигм. Автор признает, однако, что познание человека в советской философии актуализировало ряд проблем (структура человека, роль человека в обществе, призвание человека и иные), что способствовало возникновению в итоге философской антропологии как относительно самостоятельной области знаний в общей структуре философии.

Ключевые слова: личность; советская философия; социоцентризм; философская антропология; человек.

Сегодня в российском обществе актуализируются проблемы, связанные с его духовным самоопределением, с поиском смысловых ориентиров дальнейшего развития. В связи с этим возрастает и значение отечественной философии. На наш взгляд, в ней можно и нужно искать ответы на вопросы, касающиеся самоопределения современного общества, поиска путей и форм его дальнейшего развития.

Мировое значение русской философии обусловлено, в частности, наличием в ней прочной антропологической традиции, т.е. непреходящим интересом к проблеме человека в различных ее аспектах. Можно сказать, что данная традиция предстает как *философская антропология в ее национальной форме*. Значение этой традиции состоит не только в глубоком постижении уже известных, устоявшихся во времени проблем, но и в открытии и осмыслении новых философско-антропологических проблематик.

Можно сказать, что основное в русской антропологической философии — это в конечном счете проблема освобождения и возвышения человека, традиционно рассматриваемая и во внешнем аспекте (преобразование общества и его институтов), и в аспекте внутреннем (преобразование ду-

ховного мира человека). Данная проблема, имеющая, надо это отметить, общечеловеческий характер, в России по ряду причин (например, в силу долгих столетий крепостного права и деспотичных политических режимов) всегда имела масштабный, «застойный» и поэтому очень острый характер. Она настоятельно требовала своего разрешения, и философская мысль искала пути этого, призывая русского человека либо к активному социальному переустройству (что свойственно для философии политического радикализма), либо к совершенствованию самого себя, утверждению добра (это более характерно для религиозной философии).

Реализуемые в отечественной антропологической традиции принципы носят достаточно обширный характер. Взятые вместе, они обозначают и раскрывают содержание и особенности данной традиции. Обобщая, скажем, что эти принципы могут быть сформулированы следующим образом:

– Богатство познавательных подходов и типов философских учений о человеке. Заметим, однако, что речь в данном случае (т.е. о разнообразии) идет в основном о XIX в. как времени расцвета русской философии, классическом периоде в ее истории.

* Мнение редколлегии не совпадает с мнением автора статьи.

– Восприятие человека как универсальной целостности, органичного единства всех сторон его природы, всей его жизни как единства духовного и практического в ней. Это — воспроизведение принципа универсализма познания применительно к философии человека.

– Постоянное внимание к тем проблемам, которые типичны для всей мировой философско-антропологической традиции (природа человека, соотношение души и тела, смысл его жизни, смерть и бессмертие и т.д.).

– Выделение в человеке прежде всего духовных качеств, которые рассматриваются как основные характеристики его личности (это характерно, например, для русского персонализма).

– Углубленный интерес к человеческому существованию, выделение среди всей экзистенциальной проблематики проблемы смысла жизни человека. Заметим, что особый вес данная проблематика занимает и в классической художественной литературе.

– Непосредственное обращение к конкретному человеку, находящемуся в трудной жизненно-практической ситуации, внимание к проблемным условиям его существования.

– Протест против угнетения и эксплуатации человека, негуманного отношения к нему, против социальной несправедливости, поиск путей его реального освобождения.

– Первенство духовных начал в жизни человека над вещными, утилитарными ориентациями, критика вещиизма и потребительства как неприемлемой жизненной установки и образа жизни.

– Высокая оценка социального активизма, т.е. установки на активное служение обществу и государству, поддержка альтруизма и самопожертвования, неприятие эгоизма.

– Призыв к человеку заниматься своим нравственным усовершенствованием, формирование образа «нового» человека.

– Гуманизм и гуманность, внимание и сочувствие к «униженным» и «оскорбленным», к отвергнутым и невостребованным, защита так называемого «маленького человека», сострадание с нему.

– Наличие антропологической проблематики в разного рода «неантропологических» философских течениях (например, в философии русского космизма, в социальной философии).

– Признание первенства общечеловеческих ценностей над ценностями индивидуальными, социально-классовыми и национальными, проповедь ненасилия в отношениях между людьми, обращение жить по совести.

– Нравственно-этический пафос антропологических учений, призыв к человеку творить и отстаивать Добро, находя в этом подлинный смысл своего существования.

– Единство человека с другим человеком, с обществом, с окружающим миром в целом как выражение всеединства, единства всего сущего.

– Опора в познании человека на материал частных наук, особенно — естественных (например, в русском материализме).

– Рассмотрение футурологических аспектов проблемы человека, предвестие грядущего антропологического кризиса в мире.

Исследование антропологической традиции в русской философии показывает, что в ее содержании представлены и рассматриваются практически все проблемы, относящиеся к предметному полю философской антропологии, — начиная с сущности человека и заканчивая вопросом о перспективах его существования. Можно сказать и по-иному: в ней имеют место важнейшие типы философских учений о человеке (например, космоцентризм, теоцентризм, социоцентризм и иные). Проблемное поле отечественной философии человека носит, по сути дела, всеохватывающий характер. В русской философии нет безусловно доминантного образа человека, а напротив — существует многообразие этих образов, представленных в различных философских течениях и учениях. В связи с этим можно сказать, что отечественная философия человека — это воплощенное многообразие, смысловой универсум.

По сути дела, в русской философии имеет место *универсальный антропологизм* как познавательная традиция, которая являет собой восприятие человека в полноте его мысленного образа — как в аспекте его сущности, так и в аспекте реального существования. Если сказать кратко, *универсальный антропологизм — это традиция всеохватывающего постижения человека как многомерной целостности средствами философского познания*. Мы считаем ее ведущей традицией в русской философии. Это означает, что русская философия человека силой своего притяжения в определенной мере вовлекает в сферу своего влияния иные области философского знания (например, онтологию, социальную философию) и «ведет» их за собой, увлекает их. На наш взгляд, учет этой традиции крайне необходим при изучении истории отечественной философии в единстве ее содержания и специфики. Мы полагаем также, что от этой традиции следует отталкиваться и при оценке советской философии как специфической

формы отечественного философского опыта. Советская философия *существовала*, и она требует объективной и справедливой оценки.

Существует точка зрения, что философия советского периода в значительной степени выпадает из общей логики развития отечественной философии. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться. Об этом мы судим хотя бы по тому, в какой степени была представлена в ней антропологическая проблематика, традиционная для философии как таковой. «Выпадение» это было обусловлено в конечном счете теми политическими, идеологическими и иными условиями, которые сложились и существовали в советское время и которые определяли развитие философии.

Если мы хотим понять советскую философию, то ее непременно следует рассматривать в общем контексте политико-идеологического режима общества того времени, влияния социальных институтов. Эта философия определялась влиянием прежде всего со стороны правящей партии. Со своей стороны своими возможностями (апологетика строя и т.д.) философия способствовала легитимизации данного режима и его сохранению. Такая взаимосвязь вела, во-первых, к сращиванию идеологических постулатов и философских идей, их неразделённости в рамках единого *идеоконтекста*. Во-вторых, ведущая роль в обществе политических институтов порождала высокую степень политизации философии, подчинение ее основным установкам официальной власти. В итоге философия стала играть подчиненную роль, которая в советском обществе рассматривалась не как «царство свободной мысли», а как особого рода «оружие» — как «философский фронт», задачи для которого ставились извне — со стороны идеологических и политических институтов общества. Его основная задача, как гласили, например, материалы XXII съезда КПСС, — «служить идейным оружием в борьбе масс за претворение в жизнь величественной программы построения коммунизма» [1, с. 15].

Такая узкая «специализация» советской философии (роль «идейного оружия»), по нашему мнению, породила в итоге ее глубоко отчужденное состояние. Это отчуждение имело место по отношению ко многим традициям русской философии, по отношению к художественной литературе, по отношению к традициям зарубежной философии (в том числе — к «раннему» Марксу), к достижениям науки своего времени. Так, в одной из работ именитого автора (в ответ на робкие попытки сформировать в советской философии ан-

тропологическое направление) безапелляционно утверждалось, что «...социализм не нуждается во “внесении” гуманизма: социализм глубоко гуманистичен, ибо он уничтожает эксплуатацию человека человеком. Он гуманистичен даже тогда, когда для его победы люди жертвуют жизнью и проявляют беспощадность к врагам, которые не сдаются. Он гуманистичен и тогда, когда ценой необычайных лишений, в упорной борьбе со старым воздвигается здание нового общества» [14, с. 255]. Это и есть то, что мы полагаем: противопоставленность советской философии иному исследовательскому опыту как проявление ее отчужденного состояния.

Эта противопоставленность советской философии особенно зримо проявлялась в ее постоянных попытках критики зарубежной (западной) философии как якобы реакционной, буржуазной по своим социальным истокам. Пожалуй, в наибольшей степени данная критика касалась философии экзистенциализма, которая затрагивает коренные проблемы бытия человека — свободу, смысл жизни, смерть и т.д. Советские авторы характеризовали экзистенциализм, как «мертворожденное детище современной буржуазной идеологии, в его схоластике нет жизни, он несет яд идейного разложения буржуазии» [13, с. 182]. У него будто бы нет будущего, а его представители «играют жалкую роль трубадуров» реакционных сил современности [13, с. 182]. Экзистенциализм, как говорили о нем даже официальные советские философы, «изображает человека как одинокое и заброшенное в мире существо, весьма напоминающее беспомощную муху, запутавшуюся в паутине» [11, с. 286]. Его представители, по сути, антикоммунисты, апологеты капитализма.

Общие оценки советской философии (а оценки эти, подчеркнем, мы не вправе игнорировать, обходить стороной и ее достижения) не должны, однако, уводить нас в сторону от главных для нас вопросов. В какой мере представлена в ней тема человека? Как именно она раскрывается? Что представляет собой идея и образ человека в философии советского периода? Отвечая на эти вопросы, мы будем исходить из факта отсутствия в советской философии антропологического направления как относительно самостоятельного в общей структуре философского знания. Мы сможем говорить лишь о *возникновении* такого направления, но и то лишь применительно к позднему периоду в истории советской философии. Отсутствие такого направления — одно из проявлений отчужденного состояния советской философии.

Применительно к познанию человека в советской философии имело, на наш взгляд, место безусловное господство одной исследовательской парадигмы — *социоцентризма*. В существовавших в то время социальных, идейно-политических условиях она выступала как монопарадигма, не допускающая по отношению к себе идейных альтернатив. Можно даже сказать, что это — абсолютный социоцентризм, когда человек не мыслится в отрыве от общества, а природное начало в нем фактически игнорируется. Абсолютный социоцентризм означает безусловный примат общества, социальной среды над человеком. Иной подход рассматривался в советской философии как грубейшее нарушение «методологической дисциплины», чреватое разного рода санкциями. Неудивительно, что в философских построениях в качестве основной рассматривалась тема «Личность и общество», а роль ведущей стороны неизменно отдавалась обществу.

Господство абсолютного социоцентризма проявило себя еще и в том, что проблема человека, если она и затрагивалась, то рассматривалась не в рамках самостоятельной области знания (философия человека), а в рамках исторического материализма как социально-философской теории марксизма. Такой незавидный «удел» антропологической проблематики изначально обуславливал ее несамостоятельность в общей структуре философского знания, подчиненный по отношению к социальной философии (в лице исторического материализма) характер.

Одним из проявлений абсолютного социоцентризма явился особый статус проблемы личности в советской философии как проблемы центральной. Она выступает как объект повышенного интереса, поскольку в личности (коммунистического типа) видели торжество формирующейся новой формации — коммунизма, ее концентрированный итог, невиданный ранее в истории продукт социальности. В многочисленных работах советского периода (особенно часто они стали выходить после XXII съезда КПСС, принявшего программу развернутого строительства коммунизма) рассматривалась проблема проектирования коммунистической личности, определялись пути реализации этого великого проекта.

Среди различных работ выделялась монография Г.Л. Смирнова, в которой автор попытался придать исследованию проблематики «новой» личности фундаментальный характер. В этой работе есть все, что характерно для парадигмы абсолютного социоцентризма: положение о соци-

альной сущности человека, анализ объективных предпосылок социалистической личности, раскрытие ее социального (прежде всего — классового) облика, рассмотрение антиобщественных типов личности, выделение труда как основной смысложизненной ориентации, обозначение идейных черт «новой» личности, постановка актуальных проблем идейно-политического воспитания, критика буржуазных концепций и т.д. Словно резюме звучит следующий тезис автора: *«социалистическая личность выступает как идейная личность, ставящая на первое место общественный интерес, разделяющая цели и принципы коммунистической идеологии»* [10, с. 234].

В работах по теории личности всегда очень большое внимание уделялось критике индивидуализма как глубоко порочной жизненной установки и образа жизни, развенчивалось потребительство как проявление мещанства, всячески развенчивался буржуазный тип личности. Считалось, что индивидуализм — это основной враг коллективизма как важнейшей черты социалистической личности, и поэтому в его адрес критики было предостаточно. Индивидуализм, пишет один из авторов, — это «нечто оскорбляющее человека, его внутреннюю сущность. Индивидуализм по своей природе мелочен, холоден, он не знает иных человеческих отношений, кроме холодного эгоистического расчета» [6, с. 58]. Автор убежден, что индивидуализм — это «остаток зверя» в человеке, формирующий опустошенность духовного мира личности, но уже скоро придет то время, когда «последние остатки индивидуализма сгорят в пламени раскаленной энергии народа, исчезнут из нашей действительности...» [6, с. 58–59].

По сути дела, речь шла о формировании, по словам известного советского философа-диссидента А.А. Зиновьева, «сверхчеловека» коммунистического типа [3, с. 532–536]. Установка на такую задачу рождала мифотворчество, разного рода иллюзии. В общественное сознание вбрасывалась явно утопическая идея о том, будто бы в условиях грядущего коммунизма люди смогут «буквально формировать гениальных ученых, инженеров, музыкантов, художников, писателей», а воспитатели и педагоги «станут в полном смысле слова производительной силой, они будут ответственны за создание необходимого количества талантливейших специалистов для самых различных областей хозяйства, науки, жизни вообще» [2, с. 113]. Предполагалось, что социализм определяет даже «качественно новую сущность чело-

века: быть творцом исторически новых отношений» [4, с. 23].

Тема личности была столь же широко представлена и в рамках *научного коммунизма* — новой учебной дисциплины для вузов и системы партийной учебы, программа которой была разработана в 1962–1963 гг. Основной в научном коммунизме стала идея всестороннего и гармоничного развития личности как активного участника строительства коммунистического общества. Складывалось своего рода «разделение труда»: исторический материализм брал на себя разработку философских аспектов проблемы личности в контексте широкой темы «Личность и общество», а за научным коммунизмом закреплялась тема формирования коммунистического типа личности. В специальной литературе по научному коммунизму проблематика коммунистической личности неизменно рассматривалась в контексте процессов идеологической борьбы в современном мире.

По мере развития советского общества тема личности перемещалась в эпицентр идеологической борьбы в отношениях между нашей страной и «капиталистическим окружением». В связи с этим данная тематика занимала очень большое место и в официальной идеологии советского общества, которая носила жестко установочный характер, демонстрируя свое первенство и по отношению к политике, и по отношению к философии тоже. Именно в идеологии провозглашались по отношению к советскому человеку те идеи, которые обретали характер официальной установочной директивы.

В наиболее концентрированной и системной форме все это проявилось в так называемом «Моральном кодексе строителя коммунизма» — небольшом по объему тексте, который был включен в Программу КПСС, принятую в октябре 1961 г. на XXII съезде [7, с. 410–413]. Данный кодекс стал, по сути дела, своего рода библией «нового человека» как активного и беззаветного строителя нового типа общества. Он выступал как свод норм, которым придавался императивный характер. В последующем разного рода идеи, относящиеся к теме человека (как правило, они касались проблем воспитания, формирования личности) непременно рассматривались на всех съездах КПСС, многих ее пленумах и конференциях. Что же касается философского сообщества, то оно активно занималось комментированием конкретных официальных текстов, развивая тем самым философию в «свете решений» тех или иных партийных форумов.

Заметим, что советская философия была непосредственно интегрирована в практику «общего дела» — строительства коммунистического общества. Она была интегрирована в это дело как один из важнейших элементов идеологической конструкции данного общества. Поэтому и человек с точки зрения этой философии непременно должен быть поглощен этим делом, быть его активным участником. В связи с этим он себе уже не принадлежит — ему не принадлежит ничто в нем, включая даже и его внутренний мир, который (мир) должен быть согласован с этим общим делом. В итоге возникает противоречивая ситуация: человек формально есть, и общество в нем нуждается, но человека фактически нет, поскольку он себе не принадлежит, будучи лишен свободы выбора. Следовательно, *есть общество без человека*, а теоретическим выражением данного обстоятельства является исторический материализм как некая теоретическая конструкция. Судя по всему, такая ситуация сохранялась примерно до конца 50-х гг., когда в философии наметился антропологический поворот.

Советское время было временем радикальной модернизации, в основе которой лежала идеологическая установка на строительство коммунистического общества. В связи с этим в философии приоритетный характер обрела та ее часть, которая была связана с познанием общества. Человек изначально рассматривался не как нечто самодостаточное, а как вовлеченный в поток истории, в процесс создания новой — коммунистической — действительности. Так, согласно «Философской энциклопедии», человека следует воспринимать как «производного от общества, как продукта общественной трудовой деятельности», как социальное существо, «обусловленное общественными отношениями» [12, с. 359]. Полагалось, что коммунистическому проекту должен соответствовать именно «новый» человек, причем соответствовать этому проекту без личного права на сомнение в истинность этого проекта.

К сожалению, в советский период богатейшая антропологическая традиция отечественной философии по ряду причин оказалась прерванной и преданной забвению. Воспринятое от классического марксизма деление философии на диалектический и исторический материализм не оставляло места для антропологической проблематики как вполне самостоятельной области философствования. Так, в известной статье И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», помещенной в 1938 г. в «Кратком курсе ис-

тории ВКП (б)», ни одного раза (кроме нескольких цитат классиков марксизма) не употреблялся термин «человек» [5, с. 99–127]. А ведь данная статья, как известно, носила установочный характер, до 50-х гг. определяя и «лицо» советской философии, и ее содержательную сторону.

Разумеется, советская философия не могла полностью обходить стороной тему человека. Но эта проблематика рассматривалась в рамках исторического материализма при осмыслении общих проблем общества и исторического процесса, на фоне массовидных процессов и явлений в обществе. По мере же происходивших в советской философии процессов внутренней дифференциации и ряда объективных и иных обстоятельств эта философия (начиная с рубежа 50–60-х гг.) постепенно поворачивалась лицом к человеку, пытаясь воссоздать его образ [8, 9]. Стали формироваться и иные подходы к познанию человека, создававшие предпосылки для более развернутых и содержательных представлений о нем.

Список литературы

1. XXII съезд КПСС и задачи советской философии // Вопросы философии. 1961. № 11. С. 3–15.
2. Забелин И.М. Человек и человечество. Очерки. М.: Сов. писатель, 1970. 264 с.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центр-полиграф, 2000. 69 с.
4. Красин А.Н. Социально-философские проблемы становления коммунистического типа личности: монография. М.: Высшая школа, 1981. 176 с.
5. Краткий курс истории ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. 348 с.
6. Кряжев П.Е. Общество и личность. М.: Госполитиздат, 1961. 94 с.
7. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
8. Мищенко Т.А. Женщины из советских фильмов (по материалам журнала «Советский экран») // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 132–136.
9. Новожеева И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 163–167.
10. Смирнов Г.Л. Советский человек: Формирование социалистического типа личности. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1980. 463 с.
11. Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. М.: Наука, 1966. 460 с.
12. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
13. Чалин М.Л. В плену индивидуализма. М.: Мысль, 1966. 184 с.
14. Чесноков Д.И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М.: Мысль, 1973. 319 с.

Получено: 16.07.2014.

References

1. [XXIInd Communist Party Congress and the aims of the Soviet philosophy]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1961, no 11, pp. 3–15. (In Russian).
2. Zabelin I.M. *Chelovek i chelovechestvo. Ocherki* [A man and a mankind. Sketches]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1970, 264 p. (In Russian).
3. Zinov'ev A.A. *Na puti k sverkhobschestvu* [On the way towards the extrasociety]. Moscow, Tsentrpoligraph Publ., 2000, 69 p. (In Russian).
4. Krasin A.N. *Sotsial'no-filosofskie problemy stanovleniya kommunisticheskogo tipa lichnosti* [Social and philosophical problems of formation of the Communist type of personality]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 176 p. (In Russian).
5. *Kratkij kurs istorii VKP(b)* [Short course of the All-Union Communist Party of Bolsheviks history]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1938, 348 p. (In Russian).
6. Kryazhev P.E. *Obschestvo i lichnost'* [Society and personality]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, 94 p. (In Russian).
7. *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Proceedings of the XXIInd Communist Party Congress]. Gospolitizdat Publ., 1961, 464 p. (In Russian).
8. Mischenko T.A. [Women from the Soviet films (adapted from the Soviet ekran journal)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. 2012, no 2, pp. 132–136. (In Russian).
9. Novozheeva I.V. [Marginal type of personality in a country prose of the 1970s (adapted from V.M. Shukshin)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. 2013, no 2, pp. 163–167. (In Russian).
10. Smirnov G.L. *Sovetskij chelovek: formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [A Soviet man: formation of the socialist type of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 463 p. (In Russian).
11. Fedoseev P.N. *Dialektika sovremennoj epokhi* [Dialectics of the modern era]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 460 p. (In Russian).
12. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 tomakh* [Philosophical encyclopedia: in 5 volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970, vol. 5, 740 p. (In Russian).

13. Chalin M.L. *V plenu individualizma* [Captive by individualism]. Moscow, Mysl Publ., 1966, 184 p. (In Russian).
rialism as sociology of Marxism-Leninism]. Moscow, Mysl, 1973, 319 p. (In Russian).
14. Tchesnokov D.I. *Istoricheskiy materializm kak sotsiologiya marksizma-leninizma* [Historical materialism as sociology of Marxism-Leninism]. Moscow, Mysl, 1973, 319 p. (In Russian).
The date of the manuscript receipt: 16.07.2014.
-

THE THEME OF THE HUMAN BEING IN THE SOVIET PHILOSOPHY
(APPROACH CHARACTERISTICS)
Vladimir G. Gorbachev

*Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovskiy;
14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241036, Russia*

The article deals with the issues of the cognition of a human being in the Soviet philosophy and the peculiarities of research approach. The author reveals the thesis of sociocentrism as a predominating paradigm in the Soviet philosophy. In sociocentrism the idea of a human being is that of a creature whose nature is predetermined by the social environment influence. In the author's opinion this limited the development of discussions in philosophy and the appearance of new paradigms in human cognition. However, the author of the article admits that human cognition in the Soviet philosophy have actualized a sequence of issues (a human structure, the role of a person in the society, vocation and others), which, as a result, encouraged the appearance of philosophical anthropology as a relatively independent knowledge sphere in the general structure of philosophy.

Key words: person; Soviet philosophy; sociocentrism; philosophical anthropology; human.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горбачев В.Г. Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 33–39.

Please cite this article in English as:

Gorbachev V.G. The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 33–39.